

лась сфера приложения женского труда. Женщина теперь не только санитарка и текстильщица, но и станочница, учительница, врач, научный работник. Все это позволяет сделать вывод о том, что проблема вовлечения женщин в общественное производство в целом решена. Женщины получали государственную поддержку за счет потери своей возможности влиять на принятие политических решений и выражать свои интересы в поле политики. Идентификация женщины-работницы по принципу «равного партнера в строительстве социализма» не столько отражала реальную ситуацию на производстве, сколько выполняла роль идеализированной репрезентации желаемого будущего, что стало одной из характерных черт идентичности советской женщины в предвоенные годы.

Дашиева Аюна Дугаржаповна – кандидат исторических наук кафедры истории Бурятии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ.

Dashieva Ayuna Dugarzhapovna – candidate of historical sciences of department of history of Buryatia of Buryat State University, Ulan-Ude.

УДК 947. 085 (571. 54)

Е.В. Банзаракцаева

ДЕТСКИЕ ДОМА БУРЯТИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье рассмотрены меры, предпринятые правительством по устройству судеб детей, потерявших родителей, показано положение детских домов Бурятии, а также проблемы этих учреждений. В это время были распространены такие формы устройства детей-сирот, как патронат, опека и помещение их в детские дома.

Ключевые слова: детские дома, специальные интернаты, Великая Отечественная война, социальная политика государства

E.V. Banzaraksaeva

CHILDREN'S COMMUNITIES OF BURYATIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article deals with the measures taken by the Government on arrangement of children who lost parents, the state of children's communities in Buryatia and its problems are shown. At that time such forms of orphans' arrangement as patronage, guardianship and commitment to children's communities were widely spread.

Key words: children's communities, special boarding, Great Patriotic war, social policy of Government.

Война – страшное бедствие для народа, но труднее всего приходится детям. В современной гуманитарной науке история детства – одно из перспективных направлений. Особый интерес представляет изучение детства в годы Великой Отечественной войны, когда дети оказались в эпицентре страданий всего советского народа.

До начала Великой Отечественной войны в РСФСР насчитывалось 1 347 детских домов, с контингентом в 155 751 чел., а также специаль-

Литература

1. Айвазова С. Русские женщины в лабиринте равноправия. – М., 1998; Груздева Е.Б., Чертихина Э.С. Труд и быт советской женщины. – М., 1983, Захарова Н., Хасбулатова О.А. Социально-исторический опыт и традиции женского движения в России. – М., 1995.
2. Посадская А., Римашевская Н. Как мы решаем женский вопрос // Коммунист. – 1989. – № 4. С. 56-65.
3. Арманд И. Доклад на международной конференции коммунисток. – М., 1921; Артюхина Е. Делегатские собрания по социалистической перестройке деревни // Коммунистка. – 1930. – № 1; Коллонтай А. Женский день (1913) // Избранные статьи и речи. М., 1972; Коллонтай А. Новая мораль и рабочий класс. – М., 1919.
4. Правда. – 1933. 13 июля.
5. Коммунистка. – 1933. – № 1.
6. Делегатка. – 1936. – № 19; Работница. – 1937. – № 29.
7. Женщина на работе и дома: стат. сб. – М., 1978.
8. Правда. – 1936. 11 янв.
9. Работница. – 1951. – № 1.

ных интернатов для глухонемых и умственно отсталых детей – 342, где воспитывалось 31 743 ребенка [1]. Но трагическая ситуация на фронте, эвакуация населения, сопровождавшаяся бомбежками, хаосом, потерей связи между родственниками, и как следствие множество детей-сирот, вынуждали правительство увеличивать сеть детских домов. Поэтому в последующие периоды войны наблюдается рост детских домов по всей стране. На 1 января 1943 г. только в системе Наркомпроса

РСФСР имелось 3 000 детских домов, где воспитывалось около 500 тыс. детей [2]. А к концу войны, в январе 1945 г. детских домов общего типа насчитывалось 3 124, в освобожденных районах было открыто 129 специальных детдомов, для умственно отсталых детей действовало 52 учреждения, 193 – для слепых и глухонемых детей. В общей сложности в 1943 г. численность детдомов в Советском Союзе равнялась 4370, в которых воспитывалось 688 750 детей-сирот [3].

Детские дома принадлежали различным ведомствам – народному комиссариату просвещения, народному комиссариату социального обеспечения, комиссариату внутренних дел и Наркомздраву. По почину вологодских и московских колхозников стали организовываться и колхозные и межколхозные детские дома, в которых были спасены жизни тысяч детей, оставшихся без родителей. Совет Народных Комиссаров РСФСР в постановлении «Об улучшении работы детских домов» 1944 г. обязал все Наркомпросы и органы народного образования использовать опыт работы инициаторов и оказывать инициаторам всяческую методическую и организационную помощь. В 1944 г. в Российской Федерации было 400 колхозных детдомов, где приют нашли 18 000 детей-сирот [4]. Межколхозные детские дома получили широкое распространение в центральной части России, которая была оккупирована, и многие дети потеряли своих родителей. В Бурятии же данные учреждения не были востребованы. На наш взгляд, тому есть объяснение, в сельской местности проживали, как правило, родственники, поэтому осиротевших детей сразу же брали на воспитание в семьи. Причем среди детей военной поры очень многие получили воспитание в таких семьях, и не всегда родственников.

Таким образом, можно сказать, что в нашей стране сеть детских домов была достаточно разветвленной, но проблема безнадзорных и беспризорных детей продолжала оставаться актуальной весь период Великой Отечественной войны.

В Бурятии численность детских домов увеличилась незначительно, так как в наш регион не эвакуировались детские дома, в силу того, что здесь был открыт Забайкальский фронт, и угроза начала военных действий с Японией оставалась реальной на протяжении всей Отечественной войны.

В Бурят-Монгольской АССР в 1941 г. в системе Наркомпроса было пять детских дома: Улан-Удэнский дошкольный на 85 человек; Кяхтин-

ский детский дом школьного типа на 160 чел.; Заиграевский детдом школьного типа на 230 чел.; школа-интернат для глухонемых детей с контингентом 100 чел. и Усть-Киранский детский дом с особым режимом на 55 чел. [5]. В начале войны все указанные детдома, кроме школы-интерната для глухонемых детей, размещались в приспособленных помещениях. Поэтому в этих учреждениях бытовые условия, можно сказать, оставляли желать лучшего. Рассмотрим некоторые из них.

Заиграевский детдом был создан на базе бывшей трудовой колонии НКВД для малолетних преступников, которая была распущена в 1936 г. Дети, имеющие родителей, были отправлены к своим родным, а остальные остались уже в детском доме и составили около 40% общего контингента воспитанников [6]. Учреждение располагалось в здании бывшего Ацагатского буддийского дацана, состоящего из нескольких домов. До войны он был рассчитан на 230 детей, впоследствии же контингент детей только увеличивался. Проверкой, проведенной в 1943 г., было обнаружено, что общежития находятся в неудовлетворительном состоянии и требуют капитального ремонта. Некоторые спальные комнаты из-за неисправных печей не отапливались. Постельными принадлежностями и мебелью воспитанники были обеспечены всего на 50%, поэтому детям приходилось спать по двое на соломенных матрасах и укрываться пальто.

Как видим, сложной была ситуация с промышленным обеспечением детского дома. В то время, когда самое необходимое направлялось для детей, это не мешало руководству детдома выдавать со склада одежду, обувь и мануфактуру обслуживающему персоналу. Только, по неполным данным многочисленных проверок, было выдано 104 м мануфактуры, 5 пар ботинок, 5 пар брюк, 6 пар мужского нательного белья [7]. В результате преступной халатности руководства данного учреждения в 1942 г. было допущено хищение верхней одежды и обуви, из-за чего дети в зимний период остались без обмундирования и застудили ноги [8]. На 239 воспитанников в наличии было всего 80 пар валенок, не хватало 91 пальто [9].

Понятно, что в условиях войны невозможно было в полной мере обеспечивать всем необходимым детские дома, но тем горше становится от осознания того, что были такие представители «педагогов», которые не стеснялись обворовывать самых беззащитных – сирот.

Дошкольный детдом находился в г. Улан-Удэ

также в приспособленном помещении из пяти отдельно стоящих зданий. По утвержденному контингенту он был рассчитан на 85 детей, но уже на 1 октября 1941 г. в нем воспитывалось 92 ребенка в возрасте от 3 до 8 лет. Впоследствии численность детей-сирот постоянно увеличивалась, поэтому была открыта ещё дополнительная группа на 25 детей. Были выделены дополнительные средства в размере 23 600 р. [10]. Таким образом, этот детдом в 1941 г. был переполнен на 32 чел., то есть почти на одну полноценную группу.

Необходимо отметить, что в предвоенные годы этот детский дом был самым лучшим в республике, можно сказать, даже показательным. Но с началом войны его положение ухудшилось. При высокой скученности детей, когда вместо плановых 15–20 детей группы насчитывали 45–50, некоторые комнаты были приспособлены под кладовые комнаты, где хранились овощи. Из-за отсутствия своевременно заготовленных дров температура в помещениях не поднималась выше 10–15 °С. Постельное белье застиранное, матрасы не просушивались и, естественно, очень быстро приходили в негодность. Детей купали в прачечной один раз в две недели. У 130 детей не было пальто и шапок, прогулки этим детям были недоступны. Столовая посуда отсутствовала, её заменили ржавые консервные банки [11].

Кяхтинский детский дом школьного типа был создан в 1935 г. В начале войны утвержденный контингент составлял 160 чел., но фактически на этот период насчитывалось 152 ребенка, в возрасте от 8 до 15 лет. Дом находился в двух приспособленных двухэтажных зданиях площадью 391 м² [12]. В 1945 г. в детском доме воспитывалось 239 детей, таким образом, на одного ребенка приходилось примерно 1,5 м² площади. В помещении не была обустроена туалетная комната, поэтому дети умывались из общей кадки на улице [13].

В мае 1940 г. из Заиграевского района в село Усть-Киран Кяхтинского района был переведен детский дом с особым режимом (создан в 1938 г.), где на 1 октября 1941 г. воспитывалось 34 мальчика в возрасте от 11 до 15 лет. Он расположился в зданиях, некогда принадлежавших Кяхтинскому детскому дому. К августу 1944 г. жилые помещения, где ни разу не проводился капитальный ремонт, находились уже в полуразрушенном состоянии. Это учреждение не было обеспечено оборудованием – кроватями, мебелью, столовой и кухонной посудой. В столовой вместо посуды использовались опять же, как и в других детдомах,

ржавые консервные банки [14].

Специальный интернат для глухонемых детей работал с 1934 г., был рассчитан на 100 чел. Как уже отмечалось ранее, школа-интернат являлась единственным детским учреждением, расположенным в типовом здании, выстроенном в 1940 г. Но при приемке здания были выявлены такие недостатки, как неисправные печи, щели в окнах и т.п., которые принесли немало тревог персоналу. В этом детском учреждении, несмотря на то, что число его воспитанников значительно не увеличилось, проблема скученности детей тоже оставалась насущной. В здании школы в годы войны располагался эвакуогоспиталь, занявший треть помещений.

В детских домах в этот период важнейшей проблемой стала организация питания детей. Для урегулирования этого вопроса в стране было введено нормированное питание для разных групп населения, для которых устанавливались нормы снабжения. Эти нормы были дифференцированы по социально-производственному принципу: преимущественным снабжением пользовались работники отраслей народного хозяйства, имеющих решающее значение в укреплении оборонной мощи страны. Учитывались также потребности некоторых групп населения (детей, кормящих матерей и др.). Население, снабжающееся по карточкам, делилось на четыре группы: 1) рабочие и приравненные к ним; 2) служащие и приравненные к ним; 3) иждивенцы и приравненные к ним; 4) дети до 12 лет включительно [15].

Совнарком СССР постановлением № 942 от 1 сентября 1943 г. утвердил единые нормы питания в детских домах, расположенных в городах и в сельской местности. Все продукты, полученные от подсобных хозяйств детских домов, разрешалось использовать на улучшение питания детей, без зачета их в основную норму централизованного снабжения.

Нормы снабжения продуктами воспитанников детдомов и интернатов были определены в постановлении Совнаркома Бурят-Монгольской АССР «О мероприятиях по улучшению работы детских домов» за № 571 от 27 ноября 1943 г. [18]. Рацион питания детей в соответствии с постановлением должен был быть сбалансированным, присутствовали мясо, рыба, сыр, жиры, кондитерские изделия и даже кофе и какао. Но наряды, выделяемые Наркомторгом для детских домов, не всегда отоваривались полностью и своевременно. Поэтому питание во многих детдомах оставалось

неудовлетворительным и весьма отличалось от предписываемых норм. В ходе проверок часто обнаруживались нарушения в снабжении детей продовольствием. Так, в 1943 г. в Заиграевском детском доме на завтрак дети получали картофель с салом, иногда и хлеб с чаем. На обед – щи с салом, а на ужин – лапшу с салом [19]. Хлеб выдавался редко, так как он доставлялся из сельпо нерегулярно, а собственная пекарня не работала. Тут уже не идет речь о сладостях и других продуктах, которые предписывалось выделять воспитанникам. В данном случае речь идет, скорее всего, о том, чтобы накормить детей – «лишь бы не протянули ноги».

К тому же работники этого детского учреждения пользовались услугами детской столовой, хотя на них продукты не выделялись. По результатам проверки было установлено, что директор, бухгалтер, шофер и некоторые другие сотрудники детдома в августе – октябре 1942 г. незаконно получили со склада такие продукты, как масло – 12,4 кг, сахар – 27 кг, сыр – 12,4 кг, муку – 50 кг, рис – 8 кг, рыбы – 20 кг, яиц 160 шт. [20]. Все эти продукты выделялись в незначительном количестве, но и они не доходили до детей. Такое беззастенчивое самоснабжение работников детдома не позволяло наладить нормальное питание детей. Неудивительно, что в таких условиях среди воспитанников было распространено воровство. В октябре 1942 г. Заготскот подал иск на детский дом на 820 р., за вырванный турнепс и хищение 400 вилок капусты с подсобного хозяйства [21].

Проверяющие из Наркомпроса Бурят-Монгольской АССР были поражены изнуренным видом детей, особенно малышей, у которых, как выяснилось позже, старшие воспитанники отбирали и без того мизерные порции еды. Поэтому несколько детей младшего возраста были вынуждены искать себе пропитание на помойках столовой детдома [22]. В то же время заведующая столовой и повар были уволены в 1942 г. за хищения продуктов [23].

В сентябре 1942 г. из всех детских домов республики молоком снабжался только дошкольный детдом в г. Улан-Удэ, на 140 детей привозили всего по 5 литров молока через день [24]. В октябре и ноябре молочные продукты совсем не поставлялись. Проверка от 5 декабря 1944 г. показала, что в течение года в детдоме было зафиксировано 16 случаев дистрофии, 3 из которых были с летальным исходом [25].

К концу войны питание детей в детских домах

несколько улучшилось. В августе 1945 г. в Кяхтинском детдоме было следующее меню: завтрак – 100 г хлеба, яйцо, чай с сахаром; обед – борщ, омлет, 200 г хлеба; ужин – 200 г хлеба, 20 г масла, чай. Среднесуточное количество калорий такого питания составляло 1988 ккал., хотя нормой считалось потребление детьми в возрасте 8-14 лет – 2500-2830 ккал. [26].

Полноценное снабжение воспитанников детских домов зависело от средств, выделяемых на их содержание. Рост числа детских домов требовал увеличения бюджетных ассигнований на их содержание. По данным Наркомпроса РСФСР, на детские дома в 1941 г. было выделено 562 015 тыс. р., в 1943 г. – 947 781 тыс. р., в 1944 г. – 1 228 198 тыс. р. и в 1945 г. – 1 415 855 тыс. р. [27]. Рост ассигнований на детские дома за военный период по РСФСР составил 853 840 тыс. р. Больших расходов требовало размещение эвакуированных детских домов на новом месте, а также открытие новых и расширение существующих детдомов. Но все-таки материальное положение детских домов на протяжении всей войны оставалось очень тяжелым.

В целом по РСФСР норма содержания одного воспитанника в детских домах общего типа составляла 2 905 р., особого типа – 3799 р., в дошкольных детдомах – 2905 р. [28]

В 1941 г. стоимость содержания одного воспитанника детского дома в Бурятии в год составляла: в школьных и дошкольных детдомах (Заиграевский, Кяхтинский и дошкольный в г. Улан-Удэ) 3 241 р., из них на питание определялось 1 600 р., обмундирование – 490 р. В специализированной школе-интернате для глухонемых детей на содержание детей сумма несколько увеличивалась, это было связано со спецификой учреждения, и составляла 3 862 р. Из этой суммы на питание уходило 1 458 р., обмундирование – 500 р. Для Усть-Киранского детского дома с особым режимом на одного воспитанника в год выделялось 4 288 р., в том числе: на питание – 1 532 р., обмундирование – 700 руб. [29]. На содержание детских домов в 1942 г. Наркомпрос республики ассигновал 2 379 тыс. р. [30]. В 1945 г. на развитие детских домов системы НКП в Бурятии было заложено 3 703 тыс. р. Из них: 3 184 тыс. р. на школьные и дошкольные, 374 тыс. р. – для глухонемых детей, 145 тыс. р. – для детского дома особого режима [31].

Таким образом, среднегодовое содержание одного ребенка в детском доме в Бурятии было даже несколько выше предложенных норм. Тем не менее положение в детских домах региона остава-

лось тяжелым. Выделяемые бюджетные средства не осваивались в полном объеме, так как детские дома не могли полностью отоваривать свои фонды, на складах просто не было необходимых товаров. Не использовались ассигнования на книги, медикаменты, инвентарь и обмундирование. По детским домам за 1 квартал 1944 г. освоено всего 11,6% бюджетных ассигнований [32].

Таким образом, детские дома Бурятии в годы Великой Отечественной войны испытывали определенные трудности в снабжении продовольствием, обмундированием, учебными принадлежностями. Однако именно в этих детских домах были спасены тысячи жизней детей-сирот. Печально, что на сегодня в российском законодательстве нет такого понятия, как «дети войны», а ведь это целая армия советских граждан, которая активно участвовала в восстановлении страны. Поэтому, на наш взгляд, история детства – это одно из приоритетных направлений в исторической науке.

Литература

1. ГАРФ, ф. 259, оп. 3, д. 682, л. 31.
2. ГАРФ, ф. 5446, оп. 44, д. 613, л. 143.
3. Синецын А. М. Всенародная помощь фронту. – М.: Воениздат, 1975. – С. 308.

4. ГАРФ, ф. 5446, оп. 44, д. 1069, л. 55.
5. НАРБ, ф. п-1, оп. 1, д. 3837, л. 65.
6. НАРБ, ф. р-60, оп. 3, д. 228, л. 27.
7. НАРБ, ф. п-1, оп.1, д. 4078, л. 237.
8. НАРБ, ф. 60, оп. 3, д. 244, л. 11.
9. НАРБ, ф. п-36, оп. 1, д. 1865, л. 115.
10. НАРБ, ф. п-36, оп. 1, д. 1865, л. 64.
11. НАРБ, ф. п-1, оп. 1, д. 3837, л. 65.
12. НАРБ, ф. п-36, оп. 1, д. 1866, л. 55.
13. НАРБ, ф. п-36, оп. 1, д. 1866, л. 59.
14. НАРБ, ф. п-1, оп. 1, д. 3837, л. 64.
15. НАРБ, ф. 60, оп.3, д. 247, л. 18.
16. НАРБ, ф. п-1, оп.1, д. 4762, л. 4.
17. Чернявский У.Г. Война и продовольствие. Снабжение городского населения в Великой Отечественной войне (1941-1945 гг.). – М.: Наука, 1964. – С. 73.
18. НАРБ, ф. 475, оп. 2, д. 292, л. 178.
19. НАРБ, ф. 475, оп. 2, д. 292, л. 12.
20. НАРБ, ф. п-1, оп. 1, д. 4078, л. 239.
21. НАРБ, ф. п-36, оп. 1, д. 1865, л. 115.
22. НАРБ, ф. п-36, оп. 1, д. 1865, л. 12.
23. НАРБ, ф. п-36, оп. 1, д. 1865, л. 115.
24. НАРБ, ф. 60, оп. 3, д. 244, л. 10.
25. НАРБ, ф. 60, оп. 3, д. 244, л. 10.
26. НАРБ, ф. п-36, оп. 1, д. 1866, л. 55-59.
27. ГАРФ, ф. 2306, оп. 70, д. 5675, л. 4.
28. ГАРФ, ф. а-259, оп. 2, д. 780, л. 6.
29. НАРБ, ф. р- 60, оп. 3, д. 237, л. 204.
30. НАРБ, ф. р- 60, оп. 3, д. 237, л. 210.
31. НАРБ, ф. р- 60, оп. 3, д. 237, л. 145.
32. НАРБ, ф. р- 60, оп. 3, д. 237, л. 53.

Банзаракцаева Елена Васильевна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой истории Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств, г. Улан-Удэ.

Banzaraktsaeva Elena Vasilievna – candidate of historical sciences, associated lecturer, head of department of history of East Siberian State Academy of Culture and Arts, Ulan-Ude.

УДК 2 (571. 61)

М.Б. Сердюк

РЕЛИГИОЗНЫЕ ГРУППЫ В СРЕДЕ СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ ПРИАМУРЬЯ В 1941-1954 гг.

В статье впервые реконструируется религиозная жизнь спецпоселенцев, находившихся в Приамурье в 1941-1954 гг. Приведены сведения об основных конфессиональных группах. Источником для работы стали документальные материалы из фондов региональных архивов.

Ключевые слова: Приамурье, религия, спецпоселенцы.

М.В. Serdyuk

RELIGIOUS GROUPS IN SURROUNDINGS OF EXILES OF PRIAMURIE IN 1941-1954

Religious life of exiled people, settled Priamurie in 1941-1954, is reconstructed for the first time, and the information about main confessional groups is given. The article is based on documentary sources from regional archives.

Key words: Priamurie, religion, religious groups, exiles.

В последние годы научное сообщество занимается активными исследованиями религиозной жизни, церковей и верующих в СССР. Особый интерес вызывает период Великой Отечественной

войны и первых послевоенных лет, поскольку эти годы стали временем изменения государственной политики по отношению к конфессиональным организациям, недолгим периодом религиозного